



Первый раз я увидела Михаила Ивановича Царева более сорока лет назад. Он работал тогда в театре имени В. Э. Мейерхольда и пользовался огромным успехом в ролях Чацкого и Армана Дюволя из «Дамы с камелиями» А. Дюма. Сильная индивидуальность актера выступала за пределы жесткого режиссерского рисунка. В Цареве чувствовалась великолепная школа, крепко связанная с традициями русского театра.

Михаил Иванович учился в Петрограде у великого актера-романтика Ю. Юрьева, многое

ТВОРЧЕСКИЙ ПОДВИГ

Народному артисту СССР
М. И. Цареву — 75 лет

воспринял от своего наставника, и все же мне казалось, что его манера игры приближается к стилю московской сцены, более теплому и сердечному, нежели в бывшем Александринском театре, где начинал молодой Царев. Глядя на его работы, я легко представляла актера в труппе Малого театра, и приход Царева в наш коллектив восприняла как совершенно естественный.

В «Доме Щепкина» Царев дебютировал Чацким. Он ворвался на сцену, как свежий ветер, в пламенном эмоциональном порыве, поразив обаянием молодого таланта. Это была совершенно новая роль, непохожая на то, что я видела прежде. При всей духовной утонченности, его Чацкий не выглядел аристократом, как у многих других исполнителей. На сцене находился интеллигент демократической складки, носитель высокой культуры, человек передовых идей.

В той постановке «Горя от ума» мне не довелось встретиться с Царевым. Но я была занята вместе с ним во многих других спектаклях. Его партнерство

доставляло мне большое творческое удовлетворение и радость. В «Доходном месте» Царев играл Жадова, а я Вышневскую. Всегда очень внимательно следила за монологом из последнего акта, когда его герой, освобождаясь от всего мелкого, мещанского, суэтного, чем опутывала Жадова среда, вырастал как личность, исполненная гордого человеческого достоинства. Роль звучала во всю мощь царевского темперамента.

Интересен был Царев в Незнамове («Без вины виноватые»). Казалось, самый дух российской театральной провинции воплотился в этой фигуре, изображенной необыкновенно тонко, с тщательной отделкой выразительных деталей. В Цареве все убедительнее раскрывались большие возможности характерного актера.

Знакомым романтическим героем выглядел Фердинанд из «Коварства и любви» Ф. Шиллера, где я снова была партнершей Царева. Но полной неожиданностью для всех стала роль дона Сезара де Базана («Рюи Блаз» В. Гюго) — блестящий

фейерверк озорных комедийных приемов.

Чудесный юмор артиста украшает многие его работы. Особенно образ Фамусова в последней постановке, подготовленной под его художественным руководством. Завершенный тип убежденного реакционера, особенно опасного во внешне привлекательном, располагающем обличье создан с замечательной точностью попадания в характер.

Михаил Иванович — актер очень разнообразный. В его репертуаре — роли всех драматургических жанров. Его актерской природе близко и трагедийное начало. На роль Уриэля Акосты он вошел после А. Остужева. Мне было нелегко привыкнуть к новому партнеру, однако через несколько спектаклей я почувствовала его индивидуальность и поняла, что трактовка Царева была полностью самобытной. Мы играли с Царевым и в «Макбете». Я сейчас вспоминаю об этой его работе, когда вижу актера в Маттиасе Клаузене из спектакля «Перед заходом солнца» Г.

Гауптмана. Образы, противоположные по сути, однако в моем представлении их сближает масштабность мысли, глубина чувства большого трагического актера. «Макбетовская» линия видится мне и в другой его роли — Старике из одноименной пьесы М. Горького.

Немало образов создал Михаил Иванович в советских пьесах. Памятен его генерал Огнев из «Фронта» А. Корнейчука, незабываема для меня сцена секретаря обкома Ромодана и учительницы Горицвет в исполнении А. Яблочкиной в «Крыльях» А. Корнейчука. Царев показывал партийного руководителя новой формации, сочетающего деловитость с исключительной душевной заботой о человеке. Замечу, кстати, что такие качества отличают Михаила Ивановича и в жизни, на посту директора Малого театра.

Последние 10—12 лет принесли Цареву новые крупные удачи. Надо назвать его Вожака в «Оптимистической трагедии» В. Вышневского, Репнина («Признание» С. Дангулова) и Веринну в

трагедии Шиллера «Заговор Фиско в Генуе». В его творчестве получили развитие лучшие традиции Малого театра, заложенные еще М. Щепкиным и П. Мочаловым. Путь Царева в искусстве — отличное подтверждение тому, что традиции эти по сей день живут на нашей сцене. Гражданственность творчества, его звучность времени в сочетании с правдивым отражением действительности и высокой художественной культурой — этим принципам Малого театра хранит верность выдающийся артист.

Через всю жизнь Царева проходит любовь к звучащему слову, поэзии, музыке стиха. Замечательный чтец, он очень тонко чувствует свойства каждого поэта, его ритм, мелодику. Царев читает Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Есенина, донося слушателю все богатство поэтической мысли, каждый эмоциональный оттенок. Его чтение хочется назвать мудрым. А как сверкает у Царева пушкинская ирония в главах из «Евгения Онегина»! Сколько подлинно лермон-

товской страсти мы слышали в «Маскараде», когда Арбенина играл Царев! Мне доводилось участвовать с ним в концертах, и меня всегда поражала чистота его дикции, отделка звука.

Михаила Ивановича невозможно представить без громадной, ежедневной общественной работы. Руководя таким сложным организмом, как Малый театр, он уже много лет возглавляет Всероссийское театральное общество, является президентом Советского национального центра Международного института театра, профессором Театрального училища имени М. С. Щепкина. Эти обширные заботы поглощают множество времени и энергии, требуют постоянного напряжения сил, так как к каждому делу он подходит с предельным вниманием и ответственностью, как подобает настоящему коммунисту.

Мне хочется в день юбилея пожелать Михаилу Ивановичу здоровья на долгие годы и многих творческих радостей во славу нашего любимого Малого театра и всего советского искусства.

Е. ГОГОЛЕВА,
народная артистка СССР,
Герой Социалистического Труда.